

● К 75-летию М. А. Шолохова

ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ ЧУВСТВА

В наши дни монументальное величие творчества Михаила Шолохова приобрело в глазах всего читающего мира значение не только литературного образца, но и непревзойденной художественной концепции народного опыта, мудрости, нравственных принципов, духовной силы — всего того, что люди вкладывают в понятие школы жизни.

Шолоховская школа жизни стала непрерывно действующим фактором совершенствования человеческой личности. Сколько бы ни перечитывались вновь и вновь «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», очерки, военная и послевоенная публицистика, сердце читателя каждый раз по-новому откликается на зов такого знакомого и такого неисчерпаемо богатого, счастливо найденного и мастерски отгроеного слова!

«Над хутором оранжевым абрикосом вызревало солнце, под ним тлели, дымясь, облака. Резкий морозный воздух был насыщен сочным плодовым запахом. Под копытами мастика хрюстел, подорожный ледок, пар сносился ветром от конских ноздрей назад, и несся оседал на гриве...».

Это Мухомед едет в Ягодное. Вторая книга «Тихого Дона». И еще из той же книги, из пятой части романа:

«На бугре широко гуляли ветры. Было холодней. Казаки молчали. Иван Алексеевич кутал лицо воротником тулупа. Дальний приближался лесок. Дорога, прокалывая его, выходила на курганистый гребень. В лесу ручисто журчался ветер. На стволах сохатых дубов золото прозелено узорились чешуйчатые плены ржавчины. Где-то далеко струя кипела сорока. Она пролетела над дорогой, косо избочив хвост. Ветер сносил ее, и в стремительном полете летела она, накренившись, мелькая рябым опереньем».

Как здраво, как осозаемо все в этой словесной живописи! Будто мы сами там, на этих дорогах, рядом с этими людьми...

Волшебство шолоховского слова, привлекшее полвека назад внимание Горького, стало предметом фундаментальных научных исследований литературоведов, лингвистов, специалистов в области эстетики, не только советских, но и зарубежных. И все-таки чудо остается рядом: никогда не иссякает и не ослабевает новизна чувств, пробуждаемых в нас поэтической речью великого мастера слова. Источник этого постоянного эмоционального обновления — в самой основе, в корневой глубине художественной структуры, в народной почве творчества писателя.

«Шолохов пишет только о том, что глубоко чувствует, — утверждал в 1940 году Алексей Толстой, — Читатель видит его глазами, любит его сердцем».

Писатель истинно народный, Михаил Александрович Шолохов из глубины трудовой жизни родного края с детства впитал живительные соки, вспоившие ту необычайную силу чувств и переживаний, которой так щедро наделены все его творения. Кажется, сама народная жизнь Дона избрала писателя своим глашатаем, сделала его гигантский труд своим мерилом. Не потому ли сам он, его многогранная общественная деятельность, явившая прекрасным воплощением жизни народа, образцом трудолюбия, мудрости, патриотизма, всепокоряющей силы таланта и мастерства?

Михаилу Александровичу Шолохову принадлежит особое место, особо выдающаяся роль в литературном процессе эпохи социализма. Гуманист, обостренно чуткий к добру и злу, гражданин, превыше всего ставящий служение интересам Родины, партии, народа, он уже самой своей личностью ознаменовал принципиально новый тип художника и мыслителя, определив богатством редкостной творческой одухотворенности высший уровень чувства, неразрывно соединяющего в себе общечеловеческое и классовое, партийное начала. Он создал в нашей литературной жизни атмосферу высокой требовательности, выскательного отношения к идеиному содержанию, отбору художественных средств, гражданской целенаправленности творчества.

Значение писательского подвига Михаила Шолохова далеко не исчерпывается общеизвестной ценностью написанных им восьми томов сочинений. Он утвердил в мировом общественном мнении беспрецедентную жизнестойкость литературы социалистического реализма, ее необоримую притягательную силу и победоносный дух созидания.

Торжество ленинских принципов партийности, народности литературы обрело в творчестве Шолохова столь наглядную убедительность, что даже ярые идеиные противники нашей страны и нашей культуры были вынуждены умерить свой пыл.

Широко известный литературовед, доктор филологических наук К. И. Прийма, подытоживая свой многолетний труд — книгу «Тихий Дон» сражается, выразил совершенно справедливую мысль о том, что «М. А. Шолохов создал не только свой самобытный, не повторимый стиль, но и свою шолоховскую традицию и школу во всей советской и мировой литературе... Дело в том, что именно Шолохов и его «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Судьба человека» заставили многих и многих писателей, критиков, литературоведов в буржуазном мире пересмотреть свое отношение к методу социалистического реализма, в целом к советской литературе, и, наконец, принять их жизненность и достоинство».

Еще в 1963 году, мне, тогда молодому поэту, выпало счастье общения с Михаилом Александровичем в кругу донских писателей, только что избранных в состав правления областной писательской организации. Если двумя словами определить его отношение к нам, встречающимся с ним в гостинице «Московской», и во Дворце культуры строителей, и в окружном Доме офицеров, то такими словами были бы: нежность и требовательность. Незадолго перед этим на страницах газеты «Литература и жизнь» были напечатаны знаменательные шолоховские строки о «донской роте» в нашей литературе, которую «можно узнать по хорошему, мужественному шагу», и каждому из нас хотелось оправдать эту ободряющую оценку, делом ответить на доброе и взыскательное напутствие Михаила Александровича: «Мои земляки не обидятся на меня, если я напомню».

(Окончание. Начало на 2 стр.).

что читатели ждут от писателей нового слова о современности. Не должны обидеться они на меня и за совет совершенствовать мастерство. Слово, добываемое из недр могучего русского языка, каждый раз должно быть тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя».

Безошибочно! Как это на месте и как много этим сказано! Мне вспоминается июнь 1967 года, когда в станицу Вешенскую приехали молодые писатели Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, наша литературная молодежь из Москвы, Сибири, Поволжья, Казахстана, Псковщины, Вологодчины...

Встречи, беседы с М. А. Шолоховым были для всех нас не только праздником, но и ответом на многие волновавшие каждого вопросы. Помнится, Лариса Васильева. Олжас Сулейманов, Василий Белов, польский писатель Роман Самсель, венгерский поэт Ференц Барани, немцы Иоахим Кнаш и Гюнтер Герлих, болгарин Георги Константинов подробно расспрашивали Михаила Александровича о его работе над новыми главами романа «Они сражались за Родину», о его отношении к разным литературным явлениям той поры, в частности к исповедальной прозе, к творчеству молодых проактов и поэтов. Шолохов тверчал неторопливо, спокойно, суммируя вопросы и ответы по внутренним взаимосвязям, давая уже самой манерой беседы великолепный образец вдумчивого, глубоко ответственного подхода к литературе. А

когда болгарский поэт Благой Димитров спросил, не считает ли Михаил Александрович, что молодой писатель имеет естественное право на ошибку, Шолохов заговорил очень оживленно, энергично, страстно, не оставляя никаких сомнений в своей внутренней убежденности: нет, не может быть такого права у писателя, каким бы он ни был — молодым или немолодым, потому что вслед за писателем ошибается масса его читателей, а такую ошибку исправить невозможно!

Как по законам индукции в магнитном поле возникает электроэнергия, так и магнетизм личности Шолохова пробуждает и усиливает в собеседниках энергию гражданского долга, чувство моральной и профессиональной ответственности за дело, которому служишь. Впрочем, эта мощная нравственная индукция не ограничена пределами сферы личных контактов. Присутствие Михаила Шолохова как писателя и как человека в наших мыслях, чувствах, в повседневном труде продолжает оказывать все то же воздействие благодатства, цельности натуры, бескомпромиссной требовательности к себе, наконец, просто обаяния творца и созданных им сокровищ духовной культуры.

В ДЕКАБРЕ минувшего года мы с поэтом Игорем Кудрявцевым побывали в станице Вешенской, через которую пролегал двухнедельный маршрут областного агитпоезда по обслуживанию животноводов северных районов Дона. Первые морозцы прихватывали раскисшую от долгих осенних дождей землю. Ря-

било первым снегком, пропоршившим рыхвины и кочки. Когда приехали в Бешки, небо дохнуло от гелью, по утрам туманилось Обдонье. Еще не совсем обнажившиеся деревья степенно покачивали верхушками вокруг шолоховского дома. Тогда-то и родились у меня стихи, которыми позволю себе заключить это слово о Михаиле Александровиче Шолохове:

Предутренним туманом от рени
Дышала мне в лицо живая
память.
Сквозь изморозь нечастые
дымки
Скользили над станичными
домами.
Над Вешенской царила
тишина,
Не помышляли птицы
о рассвете,
А свет уже струился из
окна —
Рабочий свет в рабочем
кабинете.
Не знаю, он писал или
читал,
А может, размышляя
предавался...
Он по-крестьянски день
свой начинал —
Пораньше за работу
принимался.
Вот так он твердой,
молодой рукой
рассказы,
Потом стоял подолгу над
рекой,
Волнуясь перед штурмом
первой фразы...
Здесь начинался
мелеховский двор...
Здесь проходила статная
казачка.
Потом — гремели выстрелы
в упор
И пыль вздымала бешеная
с скачка.
И взлаивал обрез из-за
плетня,
И пулемет косился срезом
дульным,
И на исходе трудового дня
Встречали смерть Давыдов
и Нагульнов...
Снимая гимнастерку
по ночам,
Уже он думал гневно
и сурово,
Как станет приговором
палацам
Молчание Андрея Соколова.
А по стели родной все шли,
и шли,
С годами память не отдав
остуде,
Сыны донской нормандии
земли
За Родину сражавшиеся
люди.
Сменяла канонаду тишина,
Полынь, чебрец и донник,
Когда к последней роли
Шукшина
Шагал неунывающий
Лодахин...
Все было здесь. И остается
здесь,
Принадлежа векам и
миллионам.
И нет конца волнению
сердец
Омытых чистым шолоховским
Доном.
Николай СКРЕБОВ.